

УДК 94(47).08

ИУДЕИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

© 2018 г.

И.В. Повод

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, Рязань

povodki@mail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2018

Рассматриваются особенности социально-экономического и правового положения иудеев Центральной России во второй половине XIX – начале XX века. Проанализированы и представлены их профессиональная структура, уровень владения русским языком, а также их взаимоотношения с окружающим населением. Рассмотрены правовые акты, ограничивавшие свободу их передвижения по стране, и пути реализации их местными властями. За основу взяты материалы Рязанской губернии как типичного региона Центральной России.

Ключевые слова: иудеи, черта оседлости, право повсеместного жительства, Положение о евреях, внутренние губернии, Центральная Россия, Рязанская губерния.

В середине XIX века права иудеев в России определялись «Положением о евреях», вышедшим в 1835 г. Согласно этому документу в рамках группы западных губерний, называвшихся «черта постоянной еврейской оседлости», они могли свободно перемещаться, трудиться и исповедовать свою религию. Выезд за ее восточную границу, во внутренние регионы страны, был строго регламентирован менее чем на год, это могли сделать купцы, предприниматели и ремесленники, на неопределенный срок могли покинуть «черту» учащиеся средних и высших учебных заведений [1, с. 308–323], а также закройщики и портные, проживающие при полках и военно-учебных заведениях внутренних губерний [2, с. 60–64]. Правом свободного проживания пользовались евреи, имеющие ученую степень и отбывшие рекрутскую повинность. Последние долгое время представляли подавляющую часть иудейского населения Центральной России, свидетельством чего является его гендерная структура, например в 1846 г. в Москве проживало 313 иудеев, из которых только 60 были женщины [3, с. 72]; из 147 иудеев, проживавших в Рязанской губернии в 1857 г., было только 23 женщины [4, с. 359–360].

Еврейские рекруты становились тем ядром, вокруг которого формировались иудейские общины в Центральной России, положение их стало еще устойчивее после распространения в 1867 г. права повсеместного жительства на их детей [5, с. 136]. Происхождение из отставных солдат на долгое время стало обоснованием для легального нахождения за «чертой оседлости», например в 1913 г. иудей Шароградский просил у рязанского губернатора разрешения на ведение торговли, обосновывая это тем, что он при-

писан к мещанам внутренних губерний (Великий Устюг), а также своим происхождением из детей «Николаевских солдат» [6, л. 93]. Первоначально для удовлетворения своих религиозных потребностей солдаты создавали своеобразные молитвенные дома, функции раввинов в которых исполняли наиболее грамотные из них. В дальнейшем солдатская молельня трансформировалась в молитвенное общество, состоящее в основном из ремесленников, бессрочноотпускных и отпускных солдат, представлявших торгово-мещанское сословие, и небольшого количества купцов [7, с. 146]. Отставные солдаты иудейского вероисповедания по-разному устраивались на новом месте жительства. Например, в 1873 г. вышедший в отставку рекрут Мошка Курпель записался во вторую купеческую гильдию Рязани, став здесь первым купцом своего вероисповедания [8, с. 37].

В конце 50–60-х гг. круг иудеев, имеющих право «повсеместного жительства», существенно расширился. В 1859 г. к нему стали относиться купцы 1-й гильдии, состоящие в ней не менее пяти лет, вместе со своей семьей и слугами, непрерывное же десятилетнее пребывание в первой гильдии вне черты оседлости предоставляло право оставаться в данном городе и по выбытии из гильдии [5, с. 117]. В 1865 г. ремесленникам и винокурам вместе с семьями также дано было право повсеместного жительства вместе с членами семьи [9, с. 20]. Судебная реформа открыла путь иудеям к адвокатской практике, ставшей очень популярной среди молодых юристов [9, с. 97], а Земская реформа позволила занимать должности земских служащих [10, с. 286]. В 1861 г. евреи, имевшие любую ученую степень или диплом доктора меди-

цины и хирургии, получали право повсеместного жительства [11, с. 509–510], а с 1879 г. – все, имеющие высшее образование или освоившие ряд медицинских профессий [12, с. 26–27]. В 1865 г. был разрешен прием евреев в должности военных врачей и на службу в министерствах просвещения и внутренних дел [13, с. 104]. Эти решения вызывали большой интерес иудеев к светскому образованию, ранее не пользовавшемуся у них популярностью. В итоге к 1881 г. они составляли 9% от общего числа студентов страны, а к 1887 г. – до 13.5%, в отдельных университетах показатели были гораздо выше [13, с. 164–166]. В подавляющем большинстве евреи выбирали юридический и медицинский факультеты [14, с. 208–212]; по мнению А.И. Солженицына, резкое увеличение числа студентов-иудеев связано с льготами по воинской повинности для окончивших университеты [13, с. 164–166].

Указы конца 50–60-х гг. XIX в. вызвали рост еврейского населения Центральной России, например в Рязани за 1853–1897 гг. оно увеличилось в 22 раза, а также изменение его профессиональной структуры, которая к концу XIX в. представляла собой следующую картину. Военнослужащие составляли 41.4% от их численности; около 39.8% занимались производственной и ремесленной деятельностью; торговлей, в том числе и питейной, – 7%; частной деятельностью – 2%; интеллектуальным трудом – 2.5% [15, с. 164–167]. Можно утверждать, что подобная профессиональная структура была характерна для иудейского населения большинства губерний Центральной России в связи со сходными особенностями экономического и географического положения. Данный регион, находясь на пересечении транспортных путей, достаточно удален от государственных границ, а также испытывал нехватку плодородных земель в связи с тем, что большая часть населения была занята в сельском хозяйстве. В связи с невысоким уровнем промышленного развития, большая часть иудеев Центральной России проживала в крупных городах, например в Рязанской губернии это были Рязань, Егорьевск и Скопин [15, с. 84–84]. Отдельно стоит сказать об иудейском населении Москвы, профессиональная структура которого отличалась от других городов Центрального региона, что объясняется более высоким уровнем экономического и культурного развития «второй столицы». За вторую половину XIX в. местное иудейское население увеличилось в 25 раз, около 37% из них относились к ремесленникам, по 25% – к купцам и отставным солдатам и 11% – к лицам с высшим образованием [3, с. 72–75]. Если в Москве численность евреев в начале XX в. про-

должала расти, в Рязанской губернии данный процесс практически остановился, что объясняется достаточно ограниченными возможностями расширения производства для предпринимателей и ремесленников.

Несмотря на расширение круга иудеев, имеющих право повсеместного жительства, некоторые из них незаконно покидали «черту оседлости». Примечательно, что местные власти по-разному реагировали на появление таких «нелегальных мигрантов», характерным примером служат два случая, произошедших в Рязанской губернии. В 1910 г. губернатор оставил без внимания жалобу жительницы Ряжска Х. Идзон на якобы незаконный арест ее брата, остановившегося у нее по случаю болезни и праздника Пасхи. Основанием для этого решения был рапорт уездного исправника, согласно которому Ф. Идзон проживал в городе больше недели, не имея соответствующего права, поэтому был отправлен этапным порядком в место приписки, г. Мстиславль Могилевской губернии [16, л. 168–175]. Другой случай произошел 21 января 1914 г., когда губернское правление признало бессрочную паспортную книжку, выданную Рязанским городским полицейским управлением аптекарскому помощнику Эльи Шлиоме Шмуйлове Когану, недействительной. Причиной такого решения было несоблюдение статьи 70 Устава о паспортах, согласно которой в видах на жительство евреев должны быть указаны их приметы, а также отсутствие полномочий у Рязанского полицейского управления на выдачу таких документов аптекарским помощникам. Паспорт было приказано изъять и уничтожить, а самого Э.Ш. Когана обязать выбрать новый паспорт. Интересен этот случай тем, что по донесению от 30 марта, несмотря на отобранный паспорт, Э. Коган продолжал жить в городе [6, л. 51–52, 54]. Таким образом, при нарушении иудеями правил пребывания за чертой оседлости местные власти хотя и принимали решения исходя из государственных законов, но не всегда торопились привести их в исполнение.

Особое место в жизни иудеев Центральной России второй половины XIX в. занимала еврейская буржуазия, представители которой нередко входили в своеобразную бизнес-элиту региона [17, с. 90]. Например, в Рязани, несмотря на то, что общая численность еврейских капиталов была невысока, двое-трое заявлялись по первой гильдии, что составляло до половины первогильдейских купцов города. Огромное значение для жизни региона имел открывшийся в 1904 г. завод сельскохозяйственных машин братьев Иехеля и Берко Левонтиных, на котором работало около 400 человек, при том что в

среднем на остальных заводах города (общее число которых было десять) работало 24 человека [8, с. 34, 35, 37, 59].

Местные предприниматели нередко с неудовольствием относились к своим конкурентам из иудеев, поэтому пытались использовать особенности их пребывания за чертой оседлости, чтобы требовать от местных властей их выселения. Наиболее ярким примером служат события, произошедшие в 1891 г. и 1892 г. в Москве, когда новый генерал-губернатор князь Сергей Александрович Романов пошел навстречу пожеланиям большей части городского купечества и произвел массовую высылку незаконно проживавших в городе иудеев [18, с. 118–119]. Это послужило сигналом для рязанских предпринимателей, которые 18 мая 1891 г. написали прошение городскому голове И.Н. Голубеву с просьбой произвести аналогичную «чистку» среди местных евреев. Основанием для этого они считали то, что «в Рязани проживает масса евреев и евреек, которые, сами ничего не производя, исключительно только занимаются разными делами по покупке и продаже на базаре мелочного товара, старого платья и т.д.» [19, с. 32–36]. Несмотря на длительное рассмотрение, прошение это не имело никаких последствий. Подобную же судьбу имело ходяйство касимовских предпринимателей, представленное в 1914 г. в губернское правление. Требуя закрыть магазин готового платья еврея Шароградского, они обвиняли его в ведении торговли по очень низким ценам, с помощью которой он добьется господства на рынке и будет диктовать свои условия [6, л. 87–88]. Такое отношение рязанских властей к просьбам местных предпринимателей объясняется достаточно просто. По их мнению, деятельность еврейской буржуазии поддерживала конкуренцию и способствовала оживлению экономической жизни региона.

Длительное время положение иудеев Центральной России оставалось достаточно стабильным, в случае легального проживания за «чертой оседлости» они не испытывали никаких дополнительных ограничений. Положение изменилось в 80-е гг., в 1887 г. были установлены процентные нормы для приема евреев в высшие и средние учебные заведения: в черте оседлости – 10%, вне ее – 5%, для столиц – 3% [20, с. 58], просуществовавшие до 1905 г. [21]. Необходимо отметить, что эти нормы не задевали целый ряд технических и частных учебных заведений. С 1889 г. нехристианам для получения звания присяжного поверенного было необходимо получить особое разрешение министра юстиций и свидетельство на ведение дела [9, с. 97]. Данная норма не распространялась на помощников

присяжных поверенных и частных поверенных, которые также могли заниматься адвокатской деятельностью. Принятые ограничения в целом незначительно затронули возможности их трудовой деятельности, о чем свидетельствует продолжающийся рост численности евреев в Центральной России, например в Рязанской губернии за 1885–1906 гг. она увеличилась с 984 [22, с. 63] до 2001 человека [23, с. 12–13], то есть более чем в два раза. Кроме того, именно в это время во многих внутренних губерниях были открыты синагоги [7, с. 146], в Рязани она появилась в 1883 г., а после пожара, произошедшего в 1903 г., было построено новое каменное здание [19, с. 28, 42].

Национальный и религиозный состав населения Центральной России был достаточно стабильным: подавляющая его часть – это русские, исповедующие православие. Длительное проживание в таком окружении способствовало сближению и аккультурации с ним иудеев. Если в «черте оседлости» только 1.4% евреев признавали русский язык родным, а в той или иной степени им владело 24.6% [24, с. 547], то для 10% их единоверцев из Рязанской губернии он был родным, а владел им 61% [15, с. 90–93]. Несмотря на отдельные жалобы рязанских предпринимателей, в целом между иудеями и православными сложились мирные взаимоотношения, сохранявшиеся до начала XX в.

В 1905 г., вскоре после издания манифеста от 17 октября, по стране прошла волна погромов, в которых пострадало в первую очередь городское еврейское население. Уникальность этого события была в том, что большая часть погромов прошла в губерниях Центральной России, иудейское население в которых было крайне немногочисленно, появилось относительно недавно, и здесь не могли сложиться устойчивые национально-религиозные противоречия, как это было в Белоруссии и на юго-востоке Украины. Данное явление не обошло стороной и Рязанскую губернию, испытывавшую достаточно серьезные, по местным меркам, масштабы разрушений, чему способствовала бездеятельность некоторых представителей власти.

Погромы произошли в двух экономически наиболее развитых городах губернии: в Егорьевске и Рязани. Пострадали от них в основном владельцы крупных магазинов и их служащие [19, с. 63–66], причем далеко не все из них были евреями, например из 76 пострадавших от погрома в Егорьевске только 15 были евреями, один неизвестной национальности, а все остальные русские [25, с. 232–234], поэтому наименование погромов «еврейскими», на наш взгляд, достаточно спорно. Данный факт свиде-

тельствует, что причинами погромов были в первую очередь экономические противоречия, и зачинщиками их выступали в основном торговцы-конкуренты [26, с. 106–111]. Доказательством отсутствия серьезных национально-религиозных противоречий в регионе говорит и то, что в дальнейшем иудейское население губернии не уменьшилось, а пострадавшие от погромов предприниматели продолжили свою экономическую деятельность и числились в купеческих гильдиях [8, с. 125–126; 6, л. 45].

Еще одним, достаточно интересным явлением в жизни иудеев Центральной России стало появление сионистских кружков. Движение сионизма, призывавшего к созданию независимого еврейского государства в Палестине, хотя и пользовалось поддержкой крупной еврейской буржуазии, наибольшую популярность имело среди иудейской бедноты «черты оседлости». Большая часть рязанской иудейской общины не принадлежала к этому классу людей, тем не менее на рубеже веков в Рязани также появляется сионистский кружок, руководителем которого был упоминавшийся ранее предприниматель Левонтин. По мнению рязанского полицмейстера, эта организация не пользовалась популярностью у местных иудеев и членами ее были в основном молодые приезжие евреи. Местные сотрудники полиции не препятствовали им в проведении собраний, ограничиваясь только наблюдением, по причине своей малочисленности и незнания еврейского языка [27, л. 21–22].

Манифест от 17 апреля 1905 г., объявлявший свободу вероисповедания и отменявший уголовное наказание за отказ от православия, не привел к серьезным изменениям в жизни иудеев. Причиной этого было то, что переход в любое из христианских вероисповеданий давал им право повсеместного жительства, поэтому число евреев, принимавших православие, фактически не изменилось. Рязанские епархиальные ведомости дают нам следующую картину принявших православие евреев. За 1893–1916 гг. всего крестилось 89 иудеев, из которых 34 были детьми. В сравнении с другими иноверцами, у иудеев гораздо чаще встречались случаи семейного перехода в православие, при том что семьи насчитывали от трех до восьми детей. Среди тех, кто принимал крещение единолично, преобладали мужчины, женщины встречались крайне редко [28]. Имели место случаи перехода в христианство только одного из членов семьи, при этом все остальные сохраняли иудаизм. Например, в выписке из формулярного списка о службе земского врача Касимовского уезда коллежского советника Овшей Гириловича Закса среди его многочисленного семейства

выделяется сын Евгений, присоединенный к православию 2 августа 1912 г., в 17 лет, все остальные и старшие, и младшие дети сохраняли иудаизм [6, л. 176]. Также в епархиальных ведомостях за 1914 г. есть запись о крещении его новорожденной внучки [29, с. 297]; примечательно, что записи о крещении матери ни в более ранних, ни в более поздних номерах издания нет.

Государственные власти и губернская администрация наблюдали за тем, чтобы крещение не было фиктивным, то есть не имело своей целью получение материальной выгоды. Для противодействия этому явлению издавались специальные постановления, например в феврале 1915 г. Сенат признал, что предоставление иудеем свидетельства о крещении в Финляндии в инославное вероисповедание не дает ему прав, которые имеют христиане России, в связи с многочисленными злоупотреблениями некоторых финляндских пасторов [30, л. 60]. В августе 1915 г., в связи с возросшим числом ходатайств в Министерство внутренних дел о разрешении детям иудеев присоединиться к одному из инославных христианских вероисповеданий, при том, что родители предпочитали остаться в прежней вере, Сенат разрешил удовлетворять их, только если родители сами изъявляют такое же желание [31, л. 124].

В целом правовое положение иудеев в начале XX в. практически не изменилось. В 1907 г. был расширен круг иудеев, имеющих право постоянно жить вне черты оседлости, теперь к нему относились: пробывшие в первой купеческой гильдии 10 лет, даже с перерывом, а также члены их семей; жены лиц, окончивших высшие учебные заведения, и их несовершеннолетние дети; участвовавшие в боевых действиях на Дальнем Востоке и удостоенные знаками отличия, и все беспорочно несшие службу в действующих войсках [32, с. 871–873]. О том, что это указание исполнялось на местах, свидетельствует то, что в 1914 г. в Касимове нес службу земский врач, коллежский советник Овшей Гирилович Закс, награжденный за участие в боях в Маньчжурии в 1904 г. орденом св. Станислава третьей степени с мечами и святой Анны третьей степени с мечами [6, л. 176].

В 1908 г. власти вернули процентные нормы для студентов-евреев в высших и средних учебных заведениях, за исключением ведомственных образовательных учреждений, консерваторий, художественных, технических и ремесленных училищ и зубоврачебных школ. Позднее, 29 октября 1915 г., были установлены процентные нормы для приема нехристиан в присяжные поверенные, составлявшие для большинства судебных округов 5%, а для западных и столич-

ных – 15% и 10% соответственно [33, с. 713–715]. Данные решения не повлияли на численность и структуру еврейского населения Центральной России. В Рязани их количество, хоть и незначительно, но постоянно увеличивалось, резкое уменьшение произошло только в 1911 г. (почти в два раза), которое вновь сменяется небольшим ежегодным приростом. Изменение это объясняется тем, что около 40% иудеев были военнослужащими [15, с. 164–167], поменявшими свое местонахождение.

С началом Первой мировой войны в центральные районы страны направляются беженцы из прифронтовых регионов, среди них было немало иудеев, что связано с близостью губерний «черты оседлости» к театру военных действий. Рязань, как и другие губернии Центральной России, была для них в большей степени перевалочным пунктом. Материальное обеспечение беженцев осуществлялось благотворительными комитетами и правительством, а также местными властями [34, с. 98–113]. Забота последних сводилась в основном к тому, чтобы помочь найти жилье и работу [35, л. 7–8]. Со временем властям становилось все труднее регулировать поток беженцев, это вынуждало постепенно смягчать ограничения «черты оседлости», которая была фактически отменена в ноябре 1915 г. циркуляром МВД, разрешавшим выдавать всем евреям-беженцам паспорта и вид на жительство [30, л. 200].

Таким образом, с середины XIX в. иудеи Центральной России прошли большой путь развития, от небольшой группы военнослужащих до полноценной религиозной общины, члены которой смогли аккультурироваться в окружающую общественную среду и занять в ней свое место.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е. Т. 10. СПб., 1836.
2. Свод законов Российской империи. Т. 14. СПб., 1857.
3. Снопов Ю.А. Евреи в Москве: динамика численности и расселения (XV – середина XX в.) // Этнографическое обозрение. 2002. № 6. С. 68–85.
4. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба: Рязанская губерния. СПб., 1860. 570 с.
5. Гессен Ю.И. Закон и жизнь. Как созидались ограничительные законы о жительстве евреев в России. СПб., 1911. 193 с.
6. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 1297. Оп. 2. Д. 311. Св. 23.
7. Комолятова А.Н. Еврейство в социокультурном пространстве Северного города Российской империи // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 6. С. 143–149.
8. Кусова И.Г. История рязанского купечества: Очерки истории XVI – начала XX в. Рязань: Март, 1996. 60 с.
9. Гессен Ю.И. О жизни евреев в России. СПб., 1906. 137 с.
10. Гессен Ю.И. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906. 473 с.
11. Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е. Т. 36. СПб., 1863.
12. Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е. Т. 54. СПб., 1881.
13. Солженицын А.И. Двести лет вместе (1795–1995). В 2 ч. Ч. 1: В дореволюционной России. М.: Русский путь, 2001. 512 с.
14. Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. 368 с.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Том 35. СПб., 1903. 259 с.
16. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 5221.
17. Махлай М.Ф. Деловая элита России второй половины XIX – начала XX в.: о критериях отбора и этническом составе // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 7. С. 85–98.
18. Софьин Д.М. Великий князь Сергей Александрович и еврейский вопрос // Власть. 2014. № 12. С. 117–121.
19. Локшин И. Еврейская община Рязани. М.: Изд. общ. «Еврейское наследие», 1997. 110 с.
20. Алов А.А. Иудаизм в России. М.: Институт наследия, 1997. 100 с.
21. Электронная еврейская энциклопедия [Электронный ресурс] / Евреи в России в конце 19 – начале 20 в. URL: <http://www.eleven.co.il> (дата обращения: 24.09.2016).
22. Календарь Рязанской губернии на 1886 г. Рязань, 1886.
23. Ведомость о числе жителей по вероисповеданиям // Обзор Рязанской губернии за 1906 г. Рязань, 1907.
24. Гавриленков А.Ф. Политика государственной власти Российской империи в отношении Православной церкви, инославных конфессий и авраамических (нехристианских) вероисповеданий в 1721–1917 гг.; сущность, принципы, эволюция: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 790 с.
25. Агарев А.Ф. Рязанская история в событиях и лицах. Рязань: Русское слово, 2012. 304 с.
26. Карпухин Д.В. Исторические оценки черносотенных погромов 1905 г. в современной российской историографии // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2007. № 3. С. 106–111.
27. ГАРО. Ф. 5. Оп. 4. Д. 3528.
28. Рязанские епархиальные ведомости. Рязань, 1893–1916.
29. Рязанские епархиальные ведомости. 1914. № 7–8.
30. ГАРО. Ф. 1297. Оп. 2. Д. 323. Св. 25.
31. ГАРО. Ф. 1297. Оп. 2. Д. 310. Св. 23.
32. Полное собрание законов Российской империи: собрание 3-е. Т. 24. СПб., 1907.

33. Иванова Н.А. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.). М.: Новый хронограф, 2010. 752 с.

34. Курцев А.Н. Беженцы Первой мировой войны в России // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–113.

35. ГАРО. Ф. 1297. Оп. 2. Д. 329. Св. 25.

**THE JEWS IN CENTRAL RUSSIA
IN THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY 20th CENTURY
(ON THE MATERIALS OF THE RYAZAN PROVINCE)**

I.V. Povod

Some features of the socio-economic and legal status of the Jews of central Russia in the second half of the 19th – early 20th century are considered. Their professional structure, level of knowledge of the Russian language, as well as their relationship with the surrounding population are analyzed. Legal acts restricting their freedom of movement throughout the country, and ways of implementing these acts by local authorities are examined. The study is based on the materials of the Ryazan province as a typical region of central Russia.

Keywords: Jews, Pale of Settlement, right of residence everywhere, Regulation on the Jews, internal gubernias, central Russia, Ryazan province.

References

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: sobranie 2-e. T. 10. SPb., 1836.

2. Svod zakonov Rossijskoj imperii. T. 14. SPb., 1857.

3. Snopov Yu.A. Evrei v Moskve: dinamika chislennosti i rasseleniya (XV – seredina XX v.) // Ehtnograficheskoe obozrenie. 2002. № 6. S. 68–85.

4. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba: Ryazanskaya guberniya. SPb., 1860. 570 s.

5. Gessen Yu.I. Zakon i zhizn'. Kak sozidalis' ogranichitel'nye zakony o zhitel'stve evreev v Rossii. SPb., 1911. 193 s.

6. Gosudarstvennyj arhiv Ryazanskoj oblasti (GA-RO). F. 1297. Op. 2. D. 311. Sv. 23.

7. Komolyatova A.N. Evrejstvo v sociokul'turnom prostranstve Severnogo goroda Rossijskoj imperii // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2014. № 6. S. 143–149.

8. Kusova I.G. Istoriya ryazanskogo kupechestva: Oчерki istorii XVI – nachala XX v. Ryazan': Mart, 1996. 60 s.

9. Gessen Yu.I. O zhizni evreev v Rossii. SPb., 1906. 137 s.

10. Gessen Yu.I. Evrei v Rossii. Oчерki obshchestvennoj, pravovoj i ehkonomicheskoy zhizni russkih evreev. SPb., 1906. 473 s.

11. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: sobranie 2-e. T. 36. SPb., 1863.

12. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: sobranie 2-e. T. 54. SPb., 1881.

13. Solzhenicyn A.I. Dvesti let vmeste (1795–1995). V 2 ch. Ch. 1: V dorevolucionnoj Rossii. M.: Russkij put', 2001. 512 s.

14. Tihonov A.K. Katoliki, musul'mane i iudei Rossijskoj imperii v poslednej chetverti XVIII – nachale XX v. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008. 368 s.

15. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897. Tom 35. SPb., 1903. 259 s.

16. GARO. F. 5. Op. 4. D. 5221.

17. Mahlaj M.F. Delovaya ehлита Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.: o kriteriyah otbora i ehlnicheskomo sostave // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2007. № 7. S. 85–98.

18. Sof'in D.M. Velikij knyaz' Sergej Aleksandrovich i evrejskij vopros // Vlast'. 2014. № 12. S. 117–121.

19. Lokshin I. Evrejskaya obshchina Ryazani. M.: Izd. obshch. «Evrejskoe nasledie», 1997. 110 s.

20. Alov A.A. Iudaizm v Rossii. M.: Institut naslediya, 1997. 100 s.

21. Ehlektronnaya evrejskaya ehnciklopediya [Ehlektronnyj resurs] / Evrei v Rossii v konce 19 – nachale 20 v. URL: <http://www.eleven.co.il> (data obrashcheniya: 24.09.2016).

22. Kalendar' Ryazanskoj gubernii na 1886 g. Ryazan', 1886.

23. Vedomost' o chisle zhitelej po veroispovedaniyam // Obzor Ryazanskoj gubernii za 1906 g. Ryazan', 1907.

24. Gavrilencov A.F. Politika gosudarstvennoj vlasti Rossijskoj imperii v otnoshenii Pravoslavnoj cerkvi, inoslavnyh konfessij i avraamicheskikh (nekhristianskih) veroispovedanij v 1721–1917 gg.; sushchnost', principy, ehvoluciya: Dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2010. 790 s.

25. Agarev A.F. Ryazanskaya istoriya v sobytijah i licah. Ryazan': Russkoe slovo, 2012. 304 s.

26. Karpuhin D.V. Istoricheskie ocenki chemosotennyh pogromov 1905 g. v sovremennoj rossijskoj istoriografii // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. 2007. № 3. S. 106–111.

27. GARO. F. 5. Op. 4. D. 3528.

28. Ryazanskije eparhial'nye vedomosti. Ryazan', 1893–1916.

29. Ryazanskije eparhial'nye vedomosti. 1914. № 7–8.

30. GARO. F. 1297. Op. 2. D. 323. Sv. 25.

31. GARO. F. 1297. Op. 2. D. 310. Sv. 23.

32. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: sobranie 3-e. T. 24. SPb., 1907.

33. Ivanova N.A. Soslovnnoe obshchestvo Rossijskoj imperii (XVIII – nachalo XX v.). M.: Novyj hronograf, 2010. 752 s.

34. Kurcev A.N. Bezhenцы Pervoj mirovoj vojny v Rossii // Voprosy istorii. 1999. № 8. S. 98–113.

35. GARO. F. 1297. Op. 2. D. 329. Sv. 25.